

Ф. Илин

Маленькие повести
о большом мичмане
ЕГОРКИНЕ
и его друзьях

Ф. Илин
Маленькие повести
о большом мичмане
Егоркине и его друзьях
Серия «Морские истории и байки»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12053924
Маленькие повести о большом мичмане Егоркине и его друзьях:
Горизонт; Москва; 2015
ISBN 978-5-9907215-2-4

Аннотация

На кораблях бывает всякое – когда случайности собираются в кучу, а всякая ошибка или разгильдяйство – неизбежно складываются а их суммарный вектор направлен в сторону большей опасности. И уж лучше не болтать лишнего, не дразнить лихо, пока оно тихо... а иначе... А вы не знали что бывают на Севере «акушер-механики», которые вляпавшись в особые обстоятельства в невероятных условиях с блеском решают задачи невероятной на флоте трудности... А что происходит, когда просто стареют корабли? Но наши своих не сдают! Как и почему – читатель сам узнает! А уж каким бывает у нормального мужика последний пионерлагерь в партизанские будни – этого в двух

словах не расскажешь, тут читать надо. Да на ус наматывать...
Хотя усы теперь и у казаков – не в моде!

Содержание

Удачный эксперимент или развязанный мешок	5
Пролог	5
Глава 1. Все шло хорошо, но тут вмешался генеральный штаб...	8
Глава 2. Культурный разговор с некультурной бербазой	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ф. Илин

Маленькие повести о большом мичмане Егоркине и его друзьях

Удачный эксперимент или развязанный мешок

Пролог

*Подняли флаг. Чайки кричат и летят прямо к
нам над заливом.*

Кока – убыю!

Вновь пищевые отходы с бака он вывалил им.

*(Народное творчество. Говорят – хокку (хайку) в
японском стиле. Не знаю – не специалист...)*

Серое утро в линялых тонах. Недовольный туман мохнатым зверем уползал, прижимаясь к зеркалу моря. Заспанное солнце едва пробивалось сквозь рваную, грязную вату облаков. Шесть «пиков» «Маяка», разнесенных над дремавшей

между грозными сопками извилистой губой, задорный сигнал горна, отрывистые слова команды, раскатившиеся по кораблям стальными шариками: «На флаг и гюйс – смирно!!!». На флагштоках заполоскались флаги экипажи бодро разбежались по боевым постам. На бригаде начинался обычный день.

Сопки над заливом уже местами украсились, и тут, и – там, золотом берез и багрянцем рябин. Будто кто-то невидимый небрежно, походя, мазнул малярными кистями, примеряясь к большой работе. «Уже скоро осень!» – говорили деревья с грустью, приветственно кивая прилетевшему с моря влажному ветру. А еще вчера они были зелеными-презелеными и обещали еще несколько недель скупого, капризного, полярного, но, все-таки – лета. И вроде бы оно – впереди. Но, похоже, опять – обманули!

Под сопками, в большой чаше древнего залива, виднелись стремительные силуэты кораблей, окрашенных в родной шаровый цвет. Их курносые форштевни задиристо приподняты, и внимательно смотрели на выход из Противосолнечной губы. Сторожевики, отдыхая от плаваний, прислонившись к свежеекрашенным причалам (МИС, наконец-то, постарался!), спокойно покуривают трубки газоходов, гремят дизель-генераторами.

Сизый дым ветер тащит на сигнальный мостик, задува-

ет на ходовые посты сквозь отдраенные стальные двери. По палубам звучат команды старпомов, усиленные ГГС – проворачивание, однако, флотский старый ритуал! Скорее небо упадет на землю, чем его отбросят, как ненужный – пока не спишут с флота последний корабль, на котором еще служат люди...

Палубы трудяг-кораблей покрыты испариной конденсата, который оставил на память тот самый утренний туман. Через несколько минут ветер и солнце скроют эту его визитную карточку.

На кораблях главенствует привычный – для нас – и резкий – для всех остальных запах железа, соляра и... черт знает еще, чего. Весь этот букет заставлял жен морщить свои носики, упорно выветривать и выпаривать наши синие кителя и черные шинели и тужурки, рабочие куртки, стирать кремовые рубашки с применением разных дезодорирующих средств... А мы всю жизнь жили во всем этом – и ничего! Давно ли это было, а теперь уже наступает время, когда опытные командиры кораблей кажутся тебе юными курсантами. Когда-то такая фраза казалась нам смешной...

Глава 1. Все шло хорошо, но тут вмешался генеральный штаб...

В кают-компании «Дерзновенного» собирались на утренний доклад офицеры штаба соединения, занимая свои привычные места и весело переговариваясь. Сусанин, штурман одного из кораблей, временно подменяющий своего ныне «морячащего» флагманского, вывесил карту погоды, всю в наступательных стрелках и линиях стремительных циклонов и изувеченных овалов вальжжных антициклонов.

– И – чё? – с надеждой спросил у штурмана замкомбрига Алексей Михайлович Громяковский.

– До той недели – дождь, ветер северо-западный, в порывах до 17. Где-то так, а может и больше, циклонище такой раскудрявый с норд-веста к нам прется! Достанется нашим, если вернуться не успеют! – занудным голосом отвечал Сусанин.

– Спасибо, родной, утешил! – кисло «поблагодарил» его Михалыч.

– А снег будет? – раздалось откуда-то сзади.

– Ага, грибной... – оправдал ожидания мрачноватый сегодня штурман. От наступившего дня и близкого общения с комбригом он ничего хорошего не ожидал, и внутренне молился о скорейшем возвращении своего флагманского. Хорошо было хитрому Поморину – он-то знал наперед самые

дурацкие вопросы, которые может задать комбриг, природное любопытство создало в его памяти обширный архив разных штурманских баек, топонимических легенд. В нужный момент всем этим – вместо лапши – он увешивал уши всяких начальников и прочих мужчин и женщин, извлекая подходящий материалчик. Срабатывало – без замечаний!

Александр Ивановичу Сусанину до этого было далеко... Впрочем, он об этом даже не задумывался – насколько далеко! Хватит того, что с фамилией повезло – как раз для штурмана, слава Богу еще, что не Иван, а Иванович... и так каждый раз уже ехидно спрашивают, а не родственник ли он ТОМУ САМОМУ, тоже, вроде бы, из костромских, кстати...

– Да-а, – скептически протянул Ф-трепло Вадим Судачков, – накрылись выходные женским... хм, медным тазом! Унылая пора... стоял сентябрь, блин, у двора... почти... да, не май месяц, как тонко замечено!

Ну уж и тепло – просто иногда так шутили – правильно было: Ф-3-ПЛО, флагманский специалист по минно-торпедному и противолодочному оружию – значительная и уважаемая должность на противолодочном соединении.

Соответствуя своей хищно-рыбной фамилии, Вадим был страстным рыбаком, а на быстрой речке недалеко от Обзорнова уже вовсю шла сёмга и на хитрую блесну попадалась приличная горбуша. Килограмма на полтора-два. Опять же – самое время на «муху» половить. «Ничего, доживем до субботнего вечера – там посмотрим!» – подумал минер, а вслух

молвил с глубокомысленным видом:

– Как говорят «аксакалы» нашей бригады, выпившие уже не одну цистерну компота, «Погода бывает трех типов – та, которую получаешь от гидромета, та, которую обещает тебе твой штурман, и та... которая будет на самом деле!».

– Бог не выдаст – пошлет зюйд-вест!

– Ух, ты! Надежда ты наша! Ага! Щас! Два раза! Вот ежели бы наоборот – испоганить погоду – так это – запросто! – скептически возразил флагманский врач.

– Не богохульствуйте, доктор! А не то в море еще отправят... в самый шторм!

– Тьфу-тьфу-тьфу на тебя! Докаркаешься! – шутливо замахал руками бригадный врач Тимофей Фисенко. Ибо штормов и связанных с ними качек доктор не любил! Но героически терпел – служба такая, куда денешься! Да и кто бы его спрашивал, насчет желаний? Опять же – «морские» идут, а получать их «просто так» честному офицеру совесть не позволяла. В те времена, конечно!

Если не кривить душой – комбриг не давал штабным подолгу «осыхать» на берегу. Он сам часто пропадал в морях, любил это дело и оно отвечало ему взаимностью. Конечно, всегда таскал штаб за собой. Нужно же было и в море поговорить с умными людьми? И изодрать кого-то на мелкие тряпочки, хотя бы периодически? Начальник штаба от него не отставал, и обычно наплаванность у флагспецов была покруче, чем у некоторых корабельных офицеров.

– Товарищи офицеры! – это вошел комбриг Огнев, на ходу бегло читая какие-то бумаги, которые ему только что во флагманской каюте всучил вахтенный экспедитор связи. Поздоровавшись, он сходу начал с сакраментальной цитаты:

– Все шло хорошо – пока не вмешался генеральный штаб! Прямо как у Швейка! – сразу же комментировал он прочитанные документы, посвящая офицеров в обстановку: – Короче, как-то недавно высокое начальство большой компанией проехалось по Тихоокеанскому флоту, и нашли столько всяких чудес, что ты! – вещал он с тонким сарказмом: – Сплошные мордобои, садизм и... превышение служебных полномочий... даже хуже, чем у нас на бригаде! Даже у вас, товарищ Неверский! Ага! И на фига им все это было надо? Говорили же еще при царе-батюшке – нечего шурудить в тихом омуте, а не то сразу узнаешь – кто там водится!

– Можно подумать, раньше в Москве об этом не знали! – проворчал Громяковский.

– Знали – знали! – успокоил всех Стас Неверский, – просто министра обороны расстраивать не хотели. А вдруг заболит или запьет с горя?

– С вами – запьешь! – согласился Огнев. – В итоге, – продолжал комбриг, – теперь сразу же родили очередные бумаги и космическо-фантастические рекомендации, да! А старых-то мы еще сколько не отработали! Чистый кошмар! Без них не знали! Провидцы хреновы! Они уже забыли, как он,

русский матросик-то, выглядит, и что он ест, родной!

Тут он перевел дух, что-то вспомнил, подозрительноглянув на дежурного:

– Кстати, о птичках – оперативный, скажите, а как там проживает эта хренова противокорабельная бербаза? Чем кормим экипажи, кроме пшена? (наверное поэтому – о птичках... В те времена в тылу искренне считали, что матросику вполне достаточно птичьего рациона. И то правда – и чего он служить пришел? Кто его звал? Уж не тыл – это точно!) Подагра во все суставы ее командиру, и весь справочник по венерическим заболеваниям прямо на вялый, импотентский конец их подлому начпроду! – хищно завернул Василий Николаевич. Чуть-чуть подумал и уверенно добавил – из врожденного чувства справедливости: – И начпроду флота – всего того же! Чтобы не обидно... (Остальные выражения перевода на приличный формат не поддаются).

– Наш комбриг – сама доброта! Я бы этим ребятам... повернувшимся к нам... своим настоящим лицом – вслух проворчал командир «Режущего» Хмелев.

Проблема была болевая – командир – это действительно последняя начальственная инстанция, который может видеть голодные глаза матроса, и с которого за все и всегда спросится – не взирая на любую «объективку». И то, что читаешь иной раз в этих глазах – далеко не всем командирам – «пофигу». Неприятно это и бесит от собственного бессилия!

– Вот-вот: «Тыл – это не лицо флота, это его наоборот!» – подтвердил Михалыч расхожей фразой начштаба Русленева.

– Мяса опять не завезли, предлагают взамен брать свежей селедкой! – доложил командир «Быстрого».

– Вместо масла – какая-то замазка типа маргарина... с глиной! – ввернул старпом «Дерзновенного» из-за спины доктора, чтобы не узнали и не прицепились. Когда наш народ уверен в своей анонимности, он становится более социально-активным, деятельным и принципиальным.

– Чего!? А больше ничего они не хотят? А пусть они эту селедку засунут себе... хвостом вперед – взъярился добрый комбриг: – Ладно, это уже мой вопрос, я попробую сегодня возбудить против них всё нерастраченное либидо начальника тыла нашей славной флотилии! – сказал комбриг, бегло записывая что-то в свой еженедельник: – Так, успокоились, я продолжаю: на Северном флоте с сегодняшнего дня объявлен месячник беспощадной борьбы с неуставными взаимоотношениями. Это варварское явление будет нещадно пресекаться... и самыми пострадавшими окажутся – как всегда – отцы-командиры кораблей и береговых частей, и командиры оных соединений, в которых выявят горячие факты этих самых... отношений – если они не успеют пере наказать своих подчиненных командиров масштабом поменьше и доложить наверх до прокурорского вмешательства! – пророчествовал он, и подвел итог: – Да, вот такая тактика со стратегией! Изучить документ и расписаться! Воспитатели план

составят – на кораблях иметь аналогичный! Отцам-командирам – хотя бы прочесть его внимательно, и утвердить! Да, и еще – вы хоть что-то делайте по его исполнению! И чисел, и дней недели не путайте, а то выйдет как в прошлый раз – если на Военном Совете надо мной опять посмеются – кто-то будет рыдать до конца года!

– Зря они, это – месячником-то! Сейчас все дружно начнем об этих самых НУВ-ах (*неуставные взаимоотношения*) говорить и думать – и докаркаемся, мысль материальна! – флегматично молвил психолог Беров. – А чего? Сколько раз говорил – если где-то произошел суицид – тут записной атеист Беров суеверно трижды постучал по полированной столешнице со всей серьезностью: – не надо доводить это до ушей личного состава. Вон у соседей – всего за три месяца – два завершенных суицида! Их большой зам чуть с горя сам не повесился! Говорят, закон парных случаев – может быть, но есть определенный психологический механизм запуска внутренних процессов в сознании человека – это вернее, да! Эти балбесы с глубокомысленным видом и от большого ума догадались вывесить «информашки» об этом в каждой казарме, ремесленники хреновы. «Букварь» (*директивные и руководящие документы, сборник*) читать нужно, чтобы так не обсерениваться... цветочками!

– Беров, ты оптимист и всегда умеешь поддержать жизне-радостный настрой! – одобрительно кивнул Громяковский.

– Вот-вот, всю жизнь за правду страдаю! – парировал пси-

холог: – если что-то случается, так говорят, что точно по моему плану – как итог! И – опять – я виноват! А? И вообще – результаты работы по борьбе с неуставными взаимоотношениями видны только в случае ее провала! Тем более – если за это взялось бо-о-о-ольшое начальство! Уж они-то сделают это монументально – как пирамиду Хеопса. Чтобы все видели... Понятно – клопов танками не давят – но ничего хорошего тоже не будет!

– Ух, ты! Сам придумал? – восхищенно спросил бесхитростный Фисенко.

– Не-а, что ты! Это из законов Мэрфи, только не про наш бардак, конечно!

– Но-но, наш бардак! Он и ваш, между прочим тоже! – сделал обидчивое замечание комбриг, успокаивая развеселившихся офицеров. – И, вообще, ведите себя потише – ведь ничто человеческое мне не чуждо, господа! Я не только гавкаю, я и больно покусать иногда могу! По моей должности положено!

Вдохновленные боевым комбригом на подвиги в свете новых гениальных требований... офицеры разошлись по кораблям. Впрочем – по опыту службы – они уже ничему особо не удивлялись. Особенно – начальству...

Глава 2. Культурный разговор с некультурной бербазой

Тыл – это не лицо флота – это его наоборот!

– Василий Николаевич! Дай-ка я с бербазой поговорю – по сокращению норм довольствия. Есть у меня для них пара волшебных слов... – придержал Громяковский Огнева.

– Хорошо, только прошу тебя – не надо сразу в морду! – хмыкнул комбриг, зная золотой характер своего зама. И продолжал: – У них сейчас – чистый «караул», закупили мясо у одной фирмочки по дешевке, даже проплатить кое-что успели на радостях... а фирмочка-то... того – тю-тю! Так что у них – горе! Сочувствовать надо!

– Ага! И что – ловят, Бендеров-то этих? Как поймают – так первое дело – сразу на кол! Плохому танцору... уши мешают! Нам бы кто посочувствовал! Не бойсь! Я пока лишь по телефону с ними пообщаюсь! Только вот... Создатель Флота, сам Петр Алексеевич начал бороться с тылом первый, согласно своему порядковому номеру, развешивал периодически купцов-поставщиков и интендантов на реях. А самый первый начальник тыла вообще помер с перепугу перед самой плановой разборкой с царем – и все равно никакого проку! А теперь, когда дают проворовавшимся тыловским генералам лишь условные сроки... – Громяковский хмыкнул и

безнадежно махнул рукой – так хорошо еще, что хоть следку нам дают! Пока дают! – уточнил Михалыч, склонный к реализму...

Замкомбрига по воспитательной работе, прихватив из буфетной чай, засел за береговой телефон в салоне командирской каюты.

– «Резолюция»! (*позывной телефонного коммутатора станции оперативной связи. Не самый удивительный. Между прочим... были и покруче... Где их только брали? Был, наверное, генератор случайных слов по орфографическому словарю!*) Соедини с городом! Девушка, здравствуйте! Чтоб вам жениха хорошего из прокуратуры, говорят только им получку вовремя дают!

А пока дайте-ка мне начпрода бербазы эскадры, менструацию его сестре и всем настоящим и будущим дочерям прямо в брачную ночь! И всем тем бабам, которых ему удастся снять на ночь до конца жизни! (это он бубнил уже себе под нос – от избытка чувств).

И уши закройте, а то неровен час... – забасил он в трубку. Услышав ответ, он спросил с серьезным видом невидимого собеседника: – Это я говорю с тем самым Нетутиным? Почему «тем самым»? Да жалуются исключительно на вас и вашу бербазу! На ваших дверях кто-то уже маркером написал: «Хрен вам всем!». Вы рискуете стать знаменитым на весь флот и его окрестности! Хотите – помогу?

Тот бурчал в ответ что-то невнятное, во что Михалыч даже не вникал. А до лампы! Пусть хоть задавится самым большим «Белазом»!

— Поскольку нам на корабли нужно еще что-то кроме этого корнеплода, то уж напрягитесь! Иначе могу постараться в этом плане и меня многие поддержат! — ехидно продолжал, сходу развив тему, специально нагнетая атмосферу: — И личный вопросик — вы специальность по фамилии себе выбирали? Просто подходит хорошо! Что не спроси — всё — не-ту-ти! — издевался Громяковский. И продолжал: — А откройте мне тайну — насчет половинного пайка по мясу. Это что — ваша личная идея по возведению экономии на недостижимую высоту? Или — как? И еще про замены мяса свежей селедкой — это тоже ваша личная идея? Оригинально! Опыт гражданской войны вспомнили? Как историк по одному из своих верхних образований могу подсказать — вам еще есть куда двигаться! Например, в гражданскую войну в Москве и Петрограде вообще выдавали одни соленые селедочные головы — для супов. Так вы еще — сама щедрость!

— Или — как? Ах, «или — как»? А вы мне можете дать точный номер и дату этого документа и фамилию того, кто его подписал? Спорим — не сможете? Да конечно — я и не сомневался. Какой же дурак захочет быть крайним? Как это — нет? Как это — не будет? Наши корабли ходят в море — фактически, между прочим! И кормить условным обедом их экипажи мы не имеем права и не будем! Вы мне не насказывайте

сказок из арсенала нянюшки Арины Родионовны, не досказанных ею великому классику!

– Стоп-стоп, а ну-ка – сбавьте свой тон! Тише ход, я сказал, товарищ капитан 3 ранга! – повысил тон голоса до стального звона капитан 1 ранга: – Slow speed! На бортах доков читали? Ну, конечно! Не раскачивайте того, кого потом трудно остановить! Это я пока только про себя, но можно и расширить список. Я прямо сейчас позвоню заместителю командующего флотом по тылу, затем – прокурору гарнизона и расскажу, как вы собираетесь отправлять в море полуголодных людей, а заодно, вспомню, как ваши орлы на складах вымогают мясо с наших ПКС-ов (*помощник командира корабля по снабжению – расхажая на надводном флоте аббревиатура названия должности*). А если это нечаянно, помимо нас, конечно, вдруг да и просочится в какой-то «Московский комсомолец»? Да вас расстреляют публично, причем – три раза подряд, пулями из концентрированного навоза на фоне развалин коровника!

– За что? Да за натуральное преступное вымогательство! Вы знаете, что за право получить на корабль мясо, которого якобы нет, и за предоставление машины – на которой это самое мясо вместе с другими продуктами к нам доставят, ваши башибузуки требуют мзду? Много? Я не знаю, как это много, но по 10 %... кооператив – «Рэкет» у вас. А вы не знали? Ну вот! И что – не делятся с вами? Да что вы говорите! Ай-ай-ай! – замкомбрига сыграл искренне изумление, откровенно

издеваясь над тыловиком: – Ну, совсем страх потеряли! Вот подлецы-то! Боюсь, только это вам лично мало поможет, когда ребята с красными просветами приедут и поведут в сырые подвалы иголки загонять... причем, не только под ногти. Но и под некоторую крайнюю кожу...

Некоторое время Громяковский внимательно слушал собеседника, кивал головой, и рисовал карандашом на листке блокнота пиратские черепа и кости, мачты, реи с петлями на ноках, внешне оставаясь спокойным.

– Ой, да что вы говорите? В стране – кризис? Ух, ты! – издевательски восклицал капитан первого ранга: – Но, представьте, я кое-что об этом слышал! Вот только объясните мне, простому человеку с двумя верхними образованиями гуманитарного профиля – какое отношение к кризису имеет плановое централизованное снабжение? Вы не виноваты? Ах, так! Но матросы в этом виноваты еще меньше! И они не пойдут в ларек за заокеанскими окорочками и вином – чтобы компенсировать не доданные вами – да-да, лично вами – калории из пайка.

– Опять тон повышаете? И угрожаете? Ах, нет? Вот попробовали бы... Мы с вами скоро еще посмотрим – чья это задница звонче зазвенит по клавишам жизни?! Потом сравним! Ага, войти в ваше положение? Ну, знаете ли, ваша боль да на наши концы... Оно, вроде бы, нам и ни к чему! Войдешь в ваше положение – так нас же еще и беременными сразу сделают! Нет-уж-ки, давайте-ка заниматься своим де-

лом, согласно должностному окладу! На каждого из нас – у прокурора свои статьи!

– Разворачиваем вопрос в практическую плоскость: – замкомбрига брал ситуацию за рога и наклонял в свою сторону: – Во сколько присылать наших помощников за продовольствием? Завтра? Т-а-ак! Не пойдет! Не люблю я таких «завтраков»! Вы куда-то исчезнете под уважительным предлогом, и – привет! Неделю искать с собаками придется! Это мы проходили! Вашего брата, уж если поймал когда на месте, надо брать сразу же за горло мягкими рукавицами гвоздями наружу и не выпускать, пока требуемый продукт не перекочет из закромов родины в корабельные провизионки.

Но у вас еще есть целых два часа – пока я буду занят другими делами, чтобы найти все необходимое. А то я скажу прокурору – где это все хранится. Вы верите? И правильно – я не вру. Человек я не злопамятный, но – не забывчивый! Спросите у старожилов вашей родной противолодочной и противокорабельной базы. Меня там еще помнят! Конечно, должны! А я тоже многое помню про ваши тайны мадридского двора... Машины? Да конечно – ваши! Найдете! Давайте не будем делать друг другу больно – как говаривал стоматологу один больной, сидящий у него в кресле и сжимающий его... мгм. Успехов! – сказал Алексей Михайлович и грохнул трубкой об аппарат.

– Уф! Весь язык оббил о тупого и наглого тыловика. Сразу – в нахрап! А по ноздрям? А потому, что продовольствие

нужно всем, а они прикрываясь кризисом, дают его только нужным людям. Вот и привыкли, что у них вымаливают то, что они сами должны подвозить прямо на причалы! – пояснил он для Берова и столпившихся у дверей заместителей командиров. Если он не понял – я ему такое Ватерлоо завтра устрою, что ему такую Святую Елену в кадрах флота найдут... Вот уйду в запас, напишу книгу: «Майн кампф с багдадскими ворами в тылу русского флота». Красиво! Да?

И Михалыч наставительным тоном пояснял: – Когда есть в чем-то дефицит, то его распределитель – как правило, настоящий... этот самый медицинский шарик из тонкой резины, раздувается и чувствует себя истинным дирижаблем! А начальство его никак не проткнет, ибо он снабжает это самое начальство по первому классу и еще сверх плана! Как та змея – если начальство начнет охотиться за расхитителями – так неминуемо укусит свой собственный хвост! А это больно! Эх! Не победить нам коррупцию! – вздохнул замкобрига.

Громяковский никогда не упускал случая поучить молодых коллег и другой подвернувшийся ему народ полезным вещам, извлекая жемчужины народной мудрости из своего неисчерпаемого опыта.

– А причем тут святая Елена? – обиделся набожный, но не очень быстро соображающий и простоватый, как сама сермяжная правда, капитан-лейтенант Комодов.

– Учи уроки – остров Святой Елены – это тот самый, куда загремел сам Наполеон после того, как ему крепко навалили

под Ватерлоо... — чуть не хором пояснили коллеге ухмыляющиеся офицеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.